

Яркий роман, который не отпустит
до самой последней страницы!
Искрометный юмор, занимательные
повороты сюжета и крутые герои!
Пропустить такое – просто преступление!

***«Уголок летучей мышки»,
книжный блог***

Ищите автора
в социальных сетях:
sbaunt

**ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ПРАВО НА ЛЮБОВЬ»
СОФИ БАУНТ:**

**Адвокат киллера
Укротить дьявола
Исповедь дьявола**

Продолжение следует...

СОФИ БАУНТ

АДВОКАТ КИЛЕРА

LIKE
BOOK

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б29

Художественное оформление Я. Соловьевой

Иллюстрация на переплете SHVACH

Внутренние иллюстрации GAN

Баунт, Софи.

Б29 Адвокат киллера / Софи Баунт. — Москва : Эксмо, 2026. — 464 с.

ISBN 978-5-04-249427-7

Эмилия — студентка юрфака и отчаянный борец за справедливость.

Леонид — известный адвокат по уголовным делам и покровитель самых беспринципных маньяков. Им никогда не понять друг друга... Но однажды Лео спасает Эми от ужасной беды, а ее нанимают, чтобы отправить его за решетку.

Адвокат помогает таинственной личности, которая вот уже десять лет карает преступников, купивших свободу благодаря деньгам и связям. Бизнесмены. Знаменитости. Продажные чиновники. Каждый дрожит при упоминании таинственного охотника за душами грешников.

Эми поручено выведать у Лео правду об убийствах. Она первая, кому удалось подобраться к адвокату ТАК близко.

Но когда откроется истина, сможет ли Эми заговорить? Ведь вопреки всем законам логики только рядом с Лео она чувствует себя в полной безопасности. А теперь ее ставят перед выбором, от которого зависит не только судьба убийцы, но и жизнь Лео...

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-249427-7

© Баунт С., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

— Он убил тридцать шесть человек! Эй... Ты меня слышишь?

— А?

Подруга вырывает телефон, а значит, надо бежать... Моя переписка с бывшим — еще три дня назад настоящим — выведет ее из себя. Хотя какая переписка? Я просто читаю старые сообщения. Вдруг что-то пропустила? Глупость, конечно... но все же. Венере не объяснишь. Ее лицо перекосило, как у тающей ледяной скульптуры. Нагоняй приближается. Три. Два...

— Зачем, вот зачем ты о нем думаешь? — ворчит Венера, пока я пытаюсь отобрать телефон. — Ты хоть одно слово запомнила из моего рассказа?

Я лихорадочно рою тоннели в памяти.

О чем она мне говорила? Не могу припомнить. Убийства? Красивый и мрачный адвокат? Я слушала, конечно, но не вникала... Как сосредоточиться, если в голове упорно крутятся слова Макса: «Это просто секс».

Нет, не со мной... Он изменил мне с нашей однокурсницей и сказал, что это нормально для мужчины — хотеть разнообразия, да и получилось, видите ли, случайно. Видела я это «случайно». С грудью пятого размера. Случайно он мог только задохнуться в ее декольте, если бы они столкнулись в коридоре.

Все плывет. Ну вот, опять... глаза слезятся. Жгучий вихрь разрастается в груди, разогревает и тянет ко дну. Боль возвращается, пульс учащается. Я опускаю веки и пробую уничтожить

его — вихрь, появляющийся при мыслях о бывшем. Хочу вырвать эти чувства из сердца, бросить в шахту вместе с Максом, запечатать и забыть навсегда, но сначала нужно успокоиться и набраться сил, а я слишком слаба из-за бессонных ночей с конспектами.

Венера возвращает телефон: она удалила все сообщения. Я делаю шаг назад и подпираю затылком стену.

— Только не говори, что думаешь ему написать.

Подруга неодобрительно качает головой и буквально спрашивает взглядом, действительно ли я настолько наивная дура или хочу ей быть. Радужки ее блестят, как потрескавшееся зимнее озеро. Голубые с серыми нитями, круглые, выпуклые и обведенные жирной черной линией, которая эффектно выделяется на фоне светлых локонов и белой кожи.

Я пожимаю плечами, встаю и иду в холл. А что ответить? Да, я дура. Дура, потому что верила, когда Макс клялся мне в любви, потому что не сразу ушла, когда узнала об измене, но ведь в прошлом году он был моим другом, потому прощаться с ним было в два раза больнее, к тому же, воспринимать его, как своего парня, я так до конца и не научилась, я потеряла друга, а друзей мне всегда было терять куда обиднее...

Прикусив губу — кажется, до крови, — я вытаскиваю зудящие пятки из туфель, которые так натерли мне кожу, что хочется кинуть их в окно и приклеить к ступням любимые белые кеды, чтобы больше никогда ничего другого не надевать. Одновременно ощущаю себя чучелом с тонной опилок в голове. От меня, наверное, даже пахнет идиотизмом. Как можно бежать к тому, кто тебя предал?

А еще от меня воняет пылью, ведь большую часть практики я провожу в архиве суда. Студентов второго курса помогать у нас не отправляют, только перебирать в подвале старые дела: некоторые из них старше моей бабушки, другие атакованы жильцами — один раз из папки выпрыгнул таракан, крику было... жуть. Правда, не моего. Визжала Венера. Я намо-

трелась и на тараканов, и на мышей, когда ездила с бабушкой в деревню к родственникам каждое лето.

— Эмилия, он козел, каких поискать! Прими это и сотри его из жизни, как эту переписку, ладно? В университете полно хороших парней. Мы сегодня же кого-нибудь найдем. Посмотри на себя! У тебя все как надо, тут и вот здесь...

Подруга показывает, где и что у меня как надо, и, пока я сгораю со стыда, обнимает меня. Тепло и цитрусовые духи обволакивают в кокон.

Не нужен мне новый парень. Из-за парней я отстану в учебе. Вот, скажем, сегодня: до утра учила гражданский процесс и ни черта не запомнила! Перед глазами витали лобызания Макса и той девушки, как она заглядывает в его карие радужки (когда-то цвета шоколада, теперь грязи), как они целуются и трутся друг о друга...

Фу!

Я не ревную. Мне мерзко об этом думать. И больно. Ненавижу его. Ненавижу ее. И университет тоже ненавижу! Чувствую себя мотыльком, которого бросили в грязный холодный аквариум с жабами и угрями, где каждый норовит тебя сожрать. Первым меня сожрал Макс, правда, не дожевал. Выплюнул и сказал, будто это нормально.

Венера по-прежнему гладит меня по спине и ждет ответа.

Иногда полезно дать человеку больше, чем он жаждет, тем более близкому, и я отвечаю:

— Ты права. Я найду парня куда лучше.

Подруга расцветает, отлепляется и весело взмахивает золотыми локонами. Думаю, она счастлива. За последние несколько дней она перебрала уйму способов, чтобы меня развеселить, показала себя и заботливой мамочкой, и наставником, и шутом, короче, умудрилась удивить. Жаль, что я доставила ей столько хлопот. Ничего не могла поделать — слезы бежали сами.

Мы выходим в холл суда. Подруга снова заводит свою песню про убийцу, и ее искренне удивляет моя неосведомленность.

— Неужели ты не смотрела новости? Хотя о нем больше по местным каналам рассказывают, чем по центральным.

Я не включаю телевизор. Вообще. Однако говорить об этом не вижу смысла. В холле трудно дышать: чересчур много людей и запахов парфюма. От мужчины рядом и вовсе воняет потом. В течение следующих минут мне на ноги наступают, наверное, раз десять и толкают не меньше, а когда в здание врываются журналисты, размахивая микрофонами и камерами, мне приходится подняться на ступеньки, чтобы увидеть, кто их взбудоражил.

Вдруг воцаряется такая напряженная тишина, что мне становится жутко. В холле появляется лысый мужчина. Промоздкий. В татуировках. Но с грустными глазами... Или мне так хочется думать, потому что я отчетливо понимаю, кто он, его ведут под конвоем.

Венера обнимает мой локоть.

— Это он, он! — нетерпеливо восклицает подруга.

— Чему радуешься?

— Шутишь?! Этот человек — уникам. Когда ты еще вживую увидишь легенду города? Десять лет он убивал олигархов и чиновников. Самыми разными способами. Следствие до сих пор не может найти аналогов ядам и оружию, которое он использует. Говорят, он изобретает их сам! Представляешь? А кто-то рассказывал, что он способен убивать силой мысли!

— Чуть какая.

— Да, но представь, насколько он крут?!

Многие в зале, в противовес Венере, таращатся на убийцу так злобно, что на месте подруги я бы проглотила язык. Но Венера — это Венера. Восхищение преступником, конечно, вызывает недоумение, здесь мне ее не понять. И пусть. Спорить настроения нет.

Замечаю пожилого судью, который рассматривает это дело. Очень приятный человек. И явно не рад, что на его плечах суд

над убийцей. Он быстро протискивается между людьми, притворяясь полумертвым, словно ноги сами его несут.

Все шныряют вокруг преступника, однако мой взгляд останавливается на другой личности.

А когда он смотрит в ответ — я вздрагиваю.

Адвокат...

Сдержанная улыбка. Черный костюм. На носу платиновые очки. Каштановые волосы зачесаны и лежат намного аккуратней, чем мои русые лохмы.

Люди расступаются перед ним, точно он Моисей. И честно сказать, я сама застываю.

Меня завораживает образ. Никто не смотрит на других так, как он — взглядом демонической акулы, бороздящей адский океан в поисках жертвы. Этот мужчина кажется чем-то исключительно... опасным. И, судя по глазам людей, не мне одной. В его присутствии все настолько напряжены, будто в любой момент по его желанию могут разверзнуться врата ада, и мужчина переместит суд в другое измерение — туда, где водятся демонические адвокаты.

Он проходит и сворачивает в коридор, толпа смыкается за его спиной.

— Мрачный тип, — шепчет подруга. — Настоящий профи. Сотни людей вытащил из тюрьмы.

— Ты хотела сказать преступников? — бурчу я. — Мерзавец он.

Венера вздыхает:

— Он делает свою работу.

И делает ее шикарно. Но как он потом спит? Тот, кто защищает монстров, сам становится монстром. Не быть мне адвокатом по уголовным делам, у меня, знаете ли, есть совесть. Да, кто-то должен этим заниматься, но такие, как этот тип, ради лишней купюры от семьи отрекутся.

Я спускаюсь с лестницы, обхожу настырных журналистов и оказываюсь рядом с адвокатом. Он ответил на вопросы СМИ

и направляется в зал судебного заседания. Я же перекрываю ему дорогу.

Зеленые глаза пронзают насквозь. Он возвышается надо мной, как исполин, хотя ростом всего около ста восьмидесяти пяти сантиметров. В разуме мелькает мысль, что ему идеально бы подошла роль дьявола в фильме. Весь в черном. От него струится устрашающая красота...

Ноги подгибаются. Пользуясь моментом, я прокашливаюсь и открываю рот, чтобы задать вопрос, который меня давно волнует. В этот момент адвокат хмурится, поглядывает на часы и огибает меня, ныряя в зал. Я — последняя идиотка — хватаю его за рукав, и он, наверное, решает, что я местная сумасшедшая, выдергивает руку, спасаясь едва ли не бегством. Однако я успеваю заметить на его запястье татуировку в виде проволоки.

Вскоре я слышу смех подруги:

— Ты рехнулась?

Венера истерически хихикает и тоже глазеет на меня как на двинутую. СМИ, кажется, успели сделать несколько снимков этого конфуза. И что на меня нашло? Хватать незнакомцев за одежду. Точно чокнулась! Видимо, заразилась наглостью от местных журналистов, которые едва ли не на голову адвокату забирались.

— Сама не знаю, — мямлю, отряхивая платье.

Все так пялятся, что я чувствую себя грязной.

— Пошли быстрее, дикая женщина.

Подруга тянет меня в зал. Судья сел за стол, и заседание вот-вот начнется. Убийца в клетке. Адвокат что-то читает. Мы занимаем последний свободный стул. Один на двоих. В самом конце зала.

Убийца нервничает все сильнее, кусает ногти, как ребенок. Когда секретарь объявляет: «Всем встать. Суд идет», этот лысый мужчина до жути мрачнеет. Ясное дело. На его месте я бы стянула штаны, обмотала вокруг шеи и повесилась прямо в клетке.

Только я поднимаюсь, как слышу назойливую вибрацию мобильного в кармане. Несколько человек оборачиваются на

меня. Впопыхах стараюсь сбросить звонок, но вижу проклятый номер.

Звонок от бывшего.

Что?!

— Рассматривается дело...

Остальных слов я уже не слышу. Когда судья заканчивает вступительную речь, делаю вид, что мне плохо, и юркаю за дверь, которая, к великому счастью, в метре от меня, протискиваюсь сквозь толпу недоумевающих, спускаюсь в подвальный этаж.

И нажимаю «Принять вызов».

— Привет, Эми.

Я молчу. Дрожу и молчу.

— Уже не надеялся, что ответишь.

— Чего ты хочешь? — мой голос неузнаваемо жалкий.

— Увидеться.

Чувствую, что горю от пяток до щек.

— Ты...

— Да, да, знаю, просто поговорим, хорошо? Я приеду часов в шесть и буду ждать тебя на парковке у суда.

Голос бывшего обрывается. Он сбросил вызов. Мысли в голове вращаются с лихорадочной скоростью. Увидеться? Зачем? Мы же расстались. Он хочет помириться? Извиниться? Черт, да какая разница? Если я пойду, то стану игрушкой, которая срывается по первому зову.

Руки трясутся от нервов и усталости, голова трещит, и я бегу до архива, чтобы не показывать знакомым свою слабость. Меня злит легкость, с какой текут слезы, злит звонок Макса и моя неопределенность. Нельзя было отвечать ему. Я плачу и не могу остановиться. Сажусь на старые папки, точнее, падаю: они грудой лежат в помещении под стеллажом с новыми делами. Я слишком устала. От учебы. От режущих чувств. От мира. От запаха пыли. Не хочется возвращаться, хочется вырыть яму, лечь туда и закрыться бумагами, чтобы никто и никогда меня не нашел.

Слезы капают на документы. Буквы размазываются. К черту! Их и так почти не прочесть. Бумаги настолько древние, что определения суда в них написаны от руки. Я начинаю читать их, чтобы успокоиться, но все плывет.

Достаю из кармана телефон и захожу на страницу бывшего. Он до сих пор не удалил наши совместные фотографии.

— Господи, — шепчу с отвращением, — какая я тут счастливая идиотка...

Идиотка смотрит разными глазами. Карий и голубой. Русые волосы собраны в конский хвост, мужская футболка прячет изгибы фигуры. Ноль косметики.

Под взглядом разноглазой я всхлипываю.

Фотографии — чья-то злая шутка. Они сохраняют то, что мы хотим забыть. Русая девчонка на ней — это не я. То есть была когда-то. Романтичная дурочка, с восторгом любующаяся Максом, который уже тогда предал ее.

Наверное, в этот момент я должна громко расхохотаться, как окончательно спятившая, но когда слезы высыхают, то на меня наваливается сонная одурь. Сегодня я спала всего час и потратила последние силы на рыдания.

Мир тонет во тьме...

Меня трясут.

Я с трудом разлепляю веки. Вижу Венеру, визжащую принцессу в салатном платье и на шпильках, понимаю, что спала на груди грязных дел. Подруга кричит, что я пропустила важное событие.

— Представь, только представь! Его так и не поймали. Громила никаким боком к этому делу, прикинь? Его оправдали и отпустили. Он не киллер!

Венера возбужденно лупит меня по плечам, и я наконец-то просыпаюсь. Отпустили? Кого? Убийцу? Затем осознаю смысл слов и поднимаюсь: не без помощи подруги.

— Киллер? Почему киллер?

— Некоторые говорят, что он не сам выбирает жертв, — поясняет подруга. — Якобы там есть спонсор или заинтересованные лица, так что следствие любит называть его киллером.

— Значит, настоящий убийца на свободе?

— Именно! Они снова взяли не того.

Я моргаю. Слишком уставшая, чтобы обсуждать произошедшее, и слишком похожая на кикимору, судя по взгляду Венеры.

Подруга брезгливо обходит пыльные папки, боится испачкать платье. Мне давно не дает покоя, зачем она надевает на работу самые красивые вещи. Скорее всего, хочет кого-то подцепить, но из-за ее прихоти в архиве мне приходится работать за двоих. Очень она страшится испортить вещи. Хоть и скрывает. У нее нет возможности купить новые. Родители совсем не дают ей денег, они по большей части пьют, и это слабое место Венеры. Я его никогда не затрагиваю, не хочу ломать скорлупу, которую она наращивала годами и теперь тщательно бережет.

Мы выходим и поднимаемся на первый этаж.

Не-убийца стоит у выхода из суда с кривоватой улыбкой, ждет адвоката, который отмахивается от журналистов и пробирается к бывшему подсудимому.

— Нет, как он разнес доводы против лысого, а? Мастер своего дела, — щебечет подруга то ли мне, то ли молодому помощнику судьи. Парень симпатичный. У меня возникает теория, что Венера на него глаз положила, к тому же она общается с ним весьма кокетливо, хотя так же она общается и с посторонними.

Я делаю шаг назад, оборачиваюсь и утыкаюсь носом в чей-то пиджак.